

Иван Иванович Панаев

Как добры люди!

Иван Панаев

Как добры люди!

«Public Domain»

1834

Панаев И. И.

Как добры люди! / И. И. Панаев — «Public Domain», 1834

«Какъ я люблю огромную залу, горящую тысячами огней, которые осл#пительно играютъ на позолот# и бесконечно отражаются въ неизм#римыхъ зеркалахъ, и эти цв#тныя гирлянды дамъ, ароматическія гирлянды, переплетенныя жемчугомъ, брилліантами и золотомъ, и этотъ б#шенный вальсъ, такъ хорошо понятый геніемъ гостиныхъ, этимъ пл#нительнымъ Штраусомъ, танецъ соблазна и н#ги, отъ котораго замираетъ дыханіе!...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иван Иванович Панаев

Какъ добры люди!

Посвящается М. А. Языкову.

Поэтъ, не дорожи любовію народной.
А. Пушкинъ.

* * *

Какъ я люблю огромную залу, горящую тысячами огней, которые осл#пительно играютъ на позолот# и бесконечно отражаются въ неизм#римыхъ зеркалахъ, и эти цв#тныя гирлянды дамъ, ароматическія гирлянды, переплетенныя жемчугомъ, брилліантами и золотомъ, и этотъ б#шенный вальсъ, такъ хорошо понятый геніемъ гостиныхъ, этимъ пл#нительнымъ Штраусомъ, танецъ соблазна и н#ги, отъ котораго замираетъ дыханіе!.. Этотъ неумолкающій говоръ, и отрывки р#чей, и полувзгляды, и в#чное движеніе, и странная пестрота, и фантастическое великол#піе – разв# все это не поэма въ полномъ и современномъ значеніи этого слова, и разв# она не занимательн#е ц#лыхъ страницъ in-folio, вырванныхъ изъ громадной Илиады, разв# не пестр#е, не цв#тист#е и не понятн#е какой-нибудь длинной сказки Шехеразады?.. Сколько любви, сколько страстей, сколько надеждъ, сколько мыслей волнуются въ этой зал#! А подъ громъ оркестра, подъ чарод#йные звуки, подъ гармоническій голосъ Россини и Моцарта, сердце сильн#е бьется въ груди, страсти мятежн#е разгораются, ярче блещетъ надежда, мысли какъ-то легче настраиваются на поэтический ладъ и бесконечн#е развиваются...

Мн# всегда казались сомнительными люди, нападающіе на общество, люди, злословящіе людей. И, въ самомъ д#л#, эти Манфреды и Лары въ короткихъ и узкихъ фракахъ, съ черепаховыми лорнетами на груди, пропов#дывающіе байронизмъ и важно разсуждающіе о Гётевомъ «Фауст#», прислонясь къ мраморному камину, уставленному вычурными вещами рококо – не должны ли они, эти люди, казаться немного сомнительными? – Но мн# непріятна хула на людей даже въ устахъ челов#ка, не выходящаго изъ ограниченнаго очертанія своего домашняго круга и читающаго только въ русскихъ переводахъ пов#сти Бальзака и Зандъ.

Я не разъ слышалъ рассказы о злб# людей, о ихъ эгоизм#, мстительности и о прочемъ, скрывающемся подъ непроницаемою личиною милой св#тской прив#тливости: эти р#чи вырывались часто изъ сердца глубоко уязвленнаго; въ р#чахъ была та страдальческая музыка, отъ которой нехотя навертываются на глазахъ слезы; и странно: при всемъ этомъ я до сихъ поръ еще такъ люблю людей и такъ простодушно в#рю ихъ добросердечію!

Или опытъ не сжималъ меня своею жел#зною рукавицей, или я принадлежу къ числу т#хъ милыхъ людей, которымъ, Богъ знаетъ почему, истина никогда не показывается лицомъ къ лицу, и которые в#чно скользятъ по поверхности челов#чества?

Да, что ни говорите, а въ челов#к# мн# кажется все искреннимъ отъ самыхъ важныхъ д#йствій его до самаго незначительнаго движенія. Я не могу себ# представить злод#я съ простодушною улыбкою, подлеца, не красн#я говорящаго о чести, ханжу, со слезами разсуждающаго о высокомъ христіанскомъ долг#. Въ Тартюф# я никогда не могъ вид#ть лицо д#йствительное; правда, Яго, Шекспировъ Яго всегда смущалъ меня, но я гналъ прочь отъ себя образъ этого демона, это чудовищное порожденіе исполина-поэта. Я думалъ – и часто теперь думаю: если я не далъ повода людямъ д#лать мн# зло, они, в#рно, не сд#лають мн# зла... и искренно жму руку каждому, и считаю каждое прив#тствіе на это рукопожатіе искреннимъ...

Случилось (не помню, очень давно кто-то сказывалъ мнѣ) – что отъ одного слова какой-то жеищины зависѣло счастье или несчастье, спокойствіе или страданье цѣлаго семейства. Она очень хорошо знала объ этомъ, и что же? Слывя въ свѣтѣ за необыкновенно *чувствительную* и *добродѣтельную*, не запинаясь, еще съ равнодушною улыбкою, произнесла слово, которымъ погубила цѣлое семейство и сдѣлалась убійцею челоѡка. Правда ли это? Какъ смѣть поручиться, что этотъ поступокъ былъ умысленный?

Нѣтъ, это клевета на людей, самая дерзкая клевета! О, люди понимаютъ и умѣютъ сочувствовать до самоотверженія несчастію вчуже. Нужно ли слезъ – они плачутъ; нужно ли утѣшенія – они утѣшаютъ, и съ какимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, съ какою энергическою силою!.. Слово и слезы! чего же болѣе? Они плачутъ въ театрѣ отъ кривляній актера, закалывающаго себя бумажнымъ кинжаломъ; ихъ слезы градомъ льются на чувствительныя страницы какого-нибудь романа... О, какъ же они должны сострадать истинному несчастію! Я убѣжденъ, что людямъ доступно все высокое, все прекрасное – и безграничная степь морской зыби, позлащенной вечернею зарею, и молнія, мгновенно обхватывающая пламенемъ черное небо, мгновенно озаряющая землю страшнымъ сіяньемъ послѣдняго дня, и тихій вечеръ, растворенный ароматомъ цвѣтовъ, когда вся природа роскошно отдыхаетъ, упоительно нѣжится, когда все въ дивномъ, благоговѣйномъ безмолвіи, только соловей свищетъ, трелить и заливается...

Ради Бога, не увѣряйте меня, что для людей мертва поэзія природы. Неправда! Они съ благоговѣйнымъ страхомъ, съ молитвою на устахъ, внемлютъ гласу Божьему въ часъ бури; они съ трепетомъ сердца, съ замираніемъ духа прислушиваются къ выстраданной гармоніи великаго поэта.

Для нихъ дорогъ онъ – избранникъ Господень, вдохновенный провидѣцъ грядущаго, чудодѣйственно возносящій ихъ къ небу и съ недостигаемой высоты показывающій имъ, бѣднымъ муравьямъ, на точку земли, гдѣ они суетливо и безтолково роятся! И они, въ награду за это, лелѣютъ его, устилаютъ жизненный путь его цвѣтами, хранятъ его, какъ зѣницу ока! – Я гдѣ-то читалъ: «общество убило поэта». Какая нелѣпая фраза! Эти *добрые*, сострадательные люди, составляющіе общество, посягнуть на жизнь своего собрата, и еще какого собрата – который доставлялъ имъ столько свѣтлыхъ, отрадныхъ минутъ въ жизни? Они вырвутъ изъ собственной діадемы единственное ея украшеніе, многоцѣнный камень, сіявшій тысячами радужныхъ переливовъ – вырвутъ и безумно втопчутъ его въ грязь?.. Это смѣшно! Можно ли составлять такіе безсмысленныя фразы и такъ безжалостно позорить общество?..

Можетъ быть, точно, люди бывають иногда причиною гибели поэта, но это совершенно неумышленно, только по одному невѣдѣнію. И потомъ какими тяжкими страданіями, какою раздирающею горестію выкупають они свое невинное преступленіе! Посмотрите, какъ, рыдая, они обступаютъ гробъ великаго челоѡка – а вѣдь эти рыданія такъ искренни! Они готовы выплакать сердце, смотря на безмятенное чело навѣки успокоившагося страдальца. Когда терновый вѣнокъ жизни упалъ съ головы его, они украшаютъ эту священную голову лаврами. *Добрые люди!* Нто, если бы онъ, великій, возсталъ въ эту минуту и посмотрѣлъ на свою апоѡеозу? Не правда ли, онъ примирился бы въ лицѣ этихъ людей съ цѣлымъ челоѡчествомъ, онъ обнялъ бы ихъ какъ братьевъ?

Да, несмотря ни на какія выходки ненавистниковъ челоѡчества, я снова повторяю, что убѣжденъ въ добротѣ людей... И вотъ почему я люблю эти торжественныя, великолѣпныя сборища, ихъ балы и рауты, гдѣ жизнь, доведенная до высшей степени цивилизаціи, какъ искусно выграненный алмазь, блеститъ, ослѣпляя. Вотъ почему я люблю безтребательныя, семейныя сходки, гдѣ все дышитъ патріархальною простотою, радушіемъ и этимъ христіанскимъ спокойствіемъ – высшею мѣтою челоѡческаго счастья. О, я хочу жить съ людьми! Чѣмъ болѣе людей вокругъ меня, тѣмъ мнѣ легче. Я открою имъ всѣ тайныя мои помыслы, мои надежды, все, что хранится въ тайникѣ моего сердца – и они поймутъ меня.

Тогда, въ минуту скорби, они растолкуют мое горе; въ минуту отчаянія они безмолвно прижмут меня къ груди своей. Что на свѣтѣ отрадныхъ участій – мысли, что тебя понимаютъ, что состраждутъ тебѣ?

Я непремѣнно перестану слушать этихъ чудаковъ, которые хотятъ во что бы то ни стало быть врагами чело#чества: я буду б#гать отъ нихъ и отъ ихъ темныхъ и вялыхъ пов#стей. Несчастные! они, право, см#шны и жалки; ихъ должно просто оставлять въ поко#, Богъ съ ними, съ этими дюжинными людьми!

Жаль только, когда чело#къ съ душою сильною и энергическою впадаетъ въ подобное заблужденіе. Съ годъ тому назадъ я встр#тилъ такого чело#ка и слышалъ его разсказъ. Этотъ разсказъ вр#зался въ моей памяти; я не проронилъ изъ него ни одного слова, и хотя онъ сильно под#йствовалъ на меня, но все-таки не могъ поколебать мои в#рованія. То было, какъ теперь помню, въ одинъ изъ т#хъ скучныхъ осеннихъ вечеровъ, когда небо сливается съ землею мглистымъ, дождливымъ туманомъ; когда дымъ стелется по земл#; когда сырость насквозь проникаетъ васъ; когда н#тъ этого постепеннаго перехода отъ сумерекъ къ ночи, этого таинственнаго и отраднаго часа... Еще не было семи часовъ, а уже огни тускло мерцали сквозь туманъ во многихъ окнахъ, изъ десяти шагахъ на улиц# нельзя было различить чело#ка. Плащъ мой отяжел#лъ отъ дождя; съ полей шляпы моей начинали скатываться капли; я чувствовалъ дрожь; до квартиры было далеко... Тутъ только я вспомнилъ объ одномъ моемъ коротко знакомомъ, который жилъ въ двухъ шагахъ отъ того м#ста, гд# я остановился въ раздумьи: куда бы укрыться отъ ненастья? Черезъ минуту я былъ въ теплой комнат#, и даже у камина, и – что еще лучше – въ обществ# людей близкихъ мн#. Когда, посл# обычныхъ разспросовъ и возгласовъ, я улегся въ уютныхъ креслахъ и подкатился къ камину, хозяинъ дома сказалъ кому-то:

– Ну, что жъ, продолжайте. Вотъ вамъ еще слушатель, и, предупреждаю, самый отчаянный защитникъ чело#чества, во вс#хъ поступкахъ людей видящій одну хорошую сторону.

Я поставилъ къ ст#н# вычурную лопатку, которою л#ниво переворачивалъ уголья въ камин#, и оборотился въ сторону. Въ эту только минуту я увид#лъ незнакомаго чело#ка, котораго совершенно не зам#тилъ при вход#, и къ которому, в#роятно, относились слова хозяина. Этотъ чело#къ сид#лъ н#сколько поодаль камина, въ т#ни, и курилъ сигару. Огонь, вспыхивающій по временамъ на кончик# этой сигары, осв#щаль черты лица его, и только при помощи этого минутнаго, красноватаго блеска да мерцанья въ камин# я усп#лъ составить очеркъ для портрета этого чело#ка. Ему было л#тъ тридцать пять, можетъ быть н#сколько побол#е; смуглая кожа обтягивала сухощавое лицо его, большіе каріе глаза изр#дка св#тились изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей, безпрестанно двигавшихся.

Онъ ни слова не отв#чалъ на зам#чаніе хозяина дома, будто оно не относилось къ нему; онъ, казалось, не зам#тилъ моего движенія и взгляда, только пустилъ изо рта густое облако дыма, и когда это облако разостлалось по комнат#, я увид#лъ при свѣтѣ постепенно разгоравшагося камина, какъ онъ медленно приподнималъ брови, недов#рчиво осматривалъ меня съ ногъ до головы, какъ нижняя губа его пошевелилась насм#шливо, и потомъ, какъ онъ снова надвинулъ брови на глаза. Странно! Какое-то незнакомое мн# досел# чувство робости и сознание въ собственной слабости промелькнули во мн# въ ту минуту, когда онъ меня осматривалъ.

Вс# молчали. Это молчаніе становилось какъ-то неловко. Я понималъ, что присутствіе этого чоло#ка тяготитъ не одного меня, что онъ им#етъ странное вліяніе на вс#хъ насъ. Въ самомъ д#л#, есть люди, при которыхъ отнимается и свобода, и веселость. Видно, этотъ господинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Я снова принялся за лопаточку и началъ переворачивать уголья въ камин#. Наконецъ хозяинъ дома р#шилъ прервать тягостное молчаніе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.